

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2015.6.01

Правильная ссылка на статью:

Полюшкевич О. А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 3—18.

For citation:

Polyushkevich O. A. Social empathy: the consolidation of Russian society // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2015. № 6. P. 3—18.

О. А. Полюшкевич СОЦИАЛЬНАЯ ЭМПАТИЯ: ВОПРОСЫ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

СОЦИАЛЬНАЯ ЭМПАТИЯ: ВОПРОСЫ
КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБ-
ЩЕСТВА

SOCIAL EMPATHY: THE CONSOLIDATION
OF RUSSIAN SOCIETY

ПОЛЮШКЕВИЧ Оксана Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета. E-mail: okwook@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7924-9305

POLYUSHKEVICH Oksana Alexandrovna — Ph.D., Associate Professor of Public and Municipal Administration of Social Sciences Institute of Irkutsk State University. E-mail: okwook@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7924-9305

Аннотация. В статье представлен социологический анализ социальной эмпатии, рассматриваются особенности ее изучения, выявляются основные теоретические векторы осмысления социальной эмпатии и эмпирические механизмы ее измерения и изучения. Социальная эмпатия в зависимости от формы, вида и типа проявления трактуется как инструмент, способствующий либо консолидации, либо дезинтеграции общества. Используя методы анкетного опроса, экспертного интервью и фокус-групп, автор

Abstract. The paper presents a sociological analysis of social empathy, the features of the study of empathy, identifies the main vectors of its theoretical understanding and empirical mechanisms of its measurement and study. Social empathy depending on the form, type and display type is treated as a tool to promote or consolidate or divisive society. Using the methods of questionnaire survey, expert interviews and focus groups, the author shows the relationship between the expressed empathy and the processes of social solidarity of society,

показывает взаимосвязь между выраженной социальной эмпатией и процессами солидарности общества, между слабой социальной эмпатией и процессами социальной дезинтеграции. Подчеркиваются противоречия между нормативными формами поведения и реальными жизненными стратегиями. Результаты исследования позволяют говорить о внутренних противоречиях между когнитивным, аффективным и деятельностным восприятием социальной эмпатии, что, в свою очередь, является тревожным сигналом в социокультурной динамике консолидационных процессов современного российского общества.

Ключевые слова: социальная эмпатия, солидарность, социальное взаимодействие, консолидация.

and also between the poor social empathy and the processes of social disintegration, also highlights the contradiction between the normative behaviors and real-life strategies. The findings suggest the internal contradictions between the cognitive, affective and activity of social perception of empathy, which in turn is a wake-up call in the socio-cultural dynamics of the consolidation processes of contemporary Russian society.

Keywords: empathy, social solidarity, social interaction, consolidation.

Благодарность. Исследование выполнено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки России № 28.64.2014/К. Проект «Социальная консолидация современного российского общества: системы, ресурсы и перспективы» (руководитель проекта — д. ф. н., профессор О. А. Кармадонов).

Эмпатия — важнейший феномен социальной реальности современного мира и необходимое условие консолидации общества. Когда жизненный мир человека и всего общества меняет привычные очертания, стираются грани между рациональным и иррациональным, эмпатия становится особенно актуальной, выступая инструментом соединения идеального (мыслеобразного) и реального (моторно-чувственного) планов в человеке (быть другим, оставаясь собой). Оставаясь свойством человека, она приобретает различные социальные формы. Осмысление эмпатии как элемента консолидации общества помогает восстановить целостность системы социального взаимодействия.

По мнению К. Юнга, «у человека есть инстинкт сочувствия» [Юнг, 1991: 113], который является формой проявления экстравертивной установки и интроспекции объекта с субъектом. Эмпатия распространяется как на живой, так и на неживой мир, делая весь мир сопричастным человеку. В культуре это проявляется в форме анимизма, в одушевлении природы и подчеркивании единства человека и природы.

Помимо этого эмпатия позволяет человеку сформировать целостную картину идентичности человеческого «Я», способного соорганизоваться с внешним миром (культурой отдельного народа или этноса). Когда в образе «Я» народа сильно ак-

центрирована ценность любви, благодарности, уважения, заботы о других, но ситуация объективно такова, что не располагает к таким чувствам и отношениям, возникает внутренний конфликт между идеальным и реальным бытием [Schlenker, 1982]. Психологи рассматривают эти конфликты как разновидность когнитивного диссонанса, при котором человек ощущает, что он «плохой», из-за того что его действия не согласуются с образом «Я» и есть существенная разница между ценностями, которые он исповедует, и ценностями, которых он придерживается на самом деле. Чтобы сохранить самоуважение и в то же время разрешить этот внутренний конфликт, люди оправдывают свои негативные мысли и поступки страданиями, испытываемыми ими в результате действий иных групп или народов; возникает жалость к себе и неприязнь к обидчикам. На этом основаны идеи негативного национализма.

Опыт изучения эмпатии

Объект, методы и инструменты изучения эмпатии как явления и как процесса размыты. Психология и эстетика, социология и этнология, история и педагогика, медицина и философия понимали под эмпатией: вчувствование (Т. Липпс, И. Фолькельт), восприятие (П. Рикер), понимание (В. Дильтей, Г. — Г. Гадамер), переживание (Г. Зиммель, Ф. Brentano, Э. Гуссерль), сопереживание (К. Роджерс), партиципацию, мистическое сопереживание, участие (Л. Леви-Брюль), симпатию (А. Шопенгауэр, Т. Риббо, М. Бубер, М. Шелер), воображение (М. Хайдеггер), фантазию (Э. В. Ильенков, С. Г. Афанасьев, Е. Я. Басин), интуицию (А. Бергсон, Н. О. Лосский), коммуникацию (Т. П. Гаврилова), понимание внутреннего мира Другого изнутри (К. Ясперс), сострадание (Т. Адорно) и т. п.

В рамках философского и социологического анализа эмпатия выступала инструментом достоверного знания о чужой душевной жизни, о переживаниях других людей, об отношениях с внешним миром, о понимании социокультурной близости и отчуждения между людьми, об этических отношениях между людьми и между человеком и природой, между человеком и миром, между рефлексивным и дорефлексивным. Поэтому сам факт существования эмпатии как социально-философской и социологической категории не вызывает сомнений.

Все известные определения эмпатии условно можно поделить на две группы. К первой относятся определения, подменяющие ее другими компонентами эмоциональной структуры творческого субъекта (симпатия, подражание), представители этого подхода исходят из индивидуальной, экзистенциальной природы эмпатии. Ко второй — определения, выделяющие ее как самостоятельный феномен, способный определять форму, рамки и динамику социальных процессов. В этом случае эмпатия выступает инструментом проявления социальной значимости.

Эмпатия как познание и эмпатия как отношение — принципы, объединяющие эти подходы. Эмпатия как познание — способ углубления в мир Другого, его более детального понимания и осознания, пассивное созерцание, позволяющее самому субъекту раскрыть что-то в себе.

Эмпатия как отношение — проявление своего отношения к Другому; может быть предъявлена другим как форма одобряемого поведения, например, в случае смерти или болезни близких людей выступает как критерий привязанности и доброты.

Не будучи формально связанными с эмпатией, эти принципы закреплены на уровне социально приемлемого поведения, а также как форма альтруизма и жертвенности в служении кому-то, что опять же свидетельствует о подмене понятий.

Социальная эмпатия в теоретическом осмыслении

Сам термин «социальная эмпатия» предложил Роберт Райх. По его мнению, без сочувствия сам смысл существования общества сводится к минимуму [Reich, 2007]. Социальную эмпатию можно трактовать как базовое условие воспроизводства общества, поскольку она является консолидирующим элементом социального устройства, условием социального развития человечества. Именно такой трактовки придерживается гуманистическая концепция эмпатии, сформированная в середине XX в., до этого времени в науке господствовали инструменталистские трактовки.

В рамках герменевтики предполагалось: для того чтобы постигнуть текст, необходимо понимать и проникнуть в духовное состояние творца этого текста, без единства чувствования невозможно единство понимания (Ф. Шлейермахер). В. Дильтей называл такой метод вчувствованием или эмпатией. Только понимая смысл жизни и переживая жизненный мир творца (автора), можно понять смысл и суть его творений [Dilthey, 1958: 136].

По мнению К. Роджерса, эмпатия помогает исследователю понять логику внутренних переживаний, мотивы поведения и особенности состояния человека [Rogers, 1975]. Эмпатия как инструмент изменения жизненного мира выступает через дискурс этики профессиональных, коммуникативных, экологических и собственно этических отношений в разных сферах жизни. Благодаря практическим аспектам изучения эмпатии, формируется методологическая и практическая установка не на то, что есть, а на то, как должно быть.

Э. Гуссерль и Э. Штайн полагали, что эмпатия раскрывает сущность социального познания в его гносеологическом смысле [Гуссерль, 1997; Штайн, 1964]. Современный философ Д. Смит, говорит о том, что «эмпатическое суждение» при знакомстве с миром подчеркивает гносеологическую сущность эмпатии, сближает чувства, мысли и действия Другого [Смит, 1989].

В рамках экзистенциализма, рассматривающего бытие человека как основу развития мира, социальное взаимодействие в мире строится на эмпатии как на условии социального понимания, социальной солидарности. Эмпатия — компонент таких социально консолидирующих явлений, как патриотизм, национальная гордость, национализм. На этой основе формируются потребности действовать «во имя народа», «за Родину», «за Отчизну». Также формируется потребность в межкультурном диалоге и межкультурной эмпатии, способствующей выживанию народов.

Понимающая социология М. Вебера стала пространством для изучения эмпатии как условия конструирования социальной реальности, взаимодействия разных социальных групп, их единства и противостояния как между собой, так и внутри себя. Эмпатия — базовое условие функционирования группы. Причем не важно, что или кто является предметом эмпатии, важно лишь то, что это может быть целью эмпатии: объединить либо вокруг себя, либо против себя; процесс, способствующий эмпатии — объединение других во имя чего-то.

Книга Р. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» стала очередным этапом осознания роли эмпатии в социальном воспроизводстве. В рамках конструктивизма эмпатия представляла собой систему осмысленных (целерациональных, в терминологии М. Вебера) действий, направленных на сохранение, подтверждение или защиту свойств/явлений, консолидирующих группу или общество. Например, эмпатия по отношению к братским народам (в частности к беженцам из Украины), поддержка государственной национальной политики президента и правительства. Иными словами, эмпатия наполняет социальную реальность социально значимым содержанием. Иначе говоря, это не вчувствование и сопереживание (как у Дильтея), а конструирование, понимание и прогнозирование (управление), к тому же она выступает не спонтанным актом, а целенаправленным рациональным действием.

Но какой бы традиции мы ни придерживались, социальная эмпатия выступает как метод познания и осмысления действительности. Ее уровень, качество и востребованность зависят от целей и задач социального развития, от происходящего на каждом его этапе социокультурного выбора.

Социальная эмпатия — условие социокультурной самоорганизации человечества; в своих высших проявлениях — это переживание переживаний другого человека, которое предрасполагает к помощи и альтруистическому поведению.

В то же время это катализатор состояний и действий человека или группы, определяющий направленность мыслей или действий последних. Результатом социальной эмпатии могут быть как конструктивные, так и деструктивные последствия для социального воспроизводства. К первым можно отнести эмпатию к отдельным реальным или вымышленным персонам — Ю. Гагарину, Штирлицу, Шурику. Ко вторым — формы национализма в Германии в середине XX в., на Украине в начале XXI в.

Это примеры переизбытка эмпатии, который может быть как позитивным, так и деструктивным. Но на социальном развитии негативно сказывается и недостаток эмпатии, так как он символизирует социальную дезорганизацию и деконсолидацию. Отказ от национальной принадлежности, критика той страны, в которой вырос и живешь, дистанцирование и равнодушие к тому, что происходит рядом, приводит к тому, что человек или группа, не разделяющие ценностей народа, ставят себя над обществом, становятся сторонними наблюдателями, но не участниками процесса социального развития. Об этом говорят индексы социальных настроений и протестного потенциала населения [Мтиулишвили, 2010: 58].

Тенденция недостатка эмпатии усиливается в российском обществе. Как показывает исследование О. А. Кармадонова, отсутствует эмпатическое присоединение к субъектам власти — агентам социального реформирования («модернизации»), и институтам, обеспечивающим как это реформирование, так и повседневное функционирование социума. Отсутствие эмпатии на макросоциальном уровне не менее опасно, нежели на уровне микросоциальных интеракций. Положение усугубляется тем обстоятельством, что системы базовых общественных отношений российского социума фактически не санкционированы доминирующими нормами, что вынуждает всех нас жить и мыслить пресловутыми двойными стандартами. Становится ясно, что эмпатическое санкционирование может распространяться

только на приемлемое — как с точки зрения идентификации, так и с точки зрения нормы [Кармадонов, 2012: 24].

Еще одна форма негативной реакции на социальную эмпатию — бегство от нее. Люди, осознавая, что определенные группы людей (бомжи, инвалиды, дети, просящие милостыню, мигранты, жертвы природных и социальных катастроф) вызывают у них чувство сопереживания, эмпатии, стараются их не замечать, игнорировать, не знать ни о чем, проходя мимо, не вникать в проблемы других.

Бегство от эмпатии является формой социального отчуждения от всего многообразия мира. Яркий пример — ситуация в соседней Украине, формирующая два разнонаправленных процесса: эмпатию к государственной политике РФ по отношению к Украине и бегство от эмпатии в поддержке и помощи украинским мигрантам (все больше негатива в адрес мигрантов) [Макаркин, 2015].

Социальная эмпатия лежит в основе толерантности (от лат. терпение). Социальная эмпатия как базовое условие терпения, толерантности, позволяющее Другому быть самим собой и проявлять свободу мысли, чувства и действия, соответствует второму типу эмпатии (эмпатия как процесс): умение жить в гармонии друг с другом (активный процесс).

Тут очень важным моментом выступает формирование образа «своих» и «чужих» на основе психологической устойчивости, системы позитивных установок, комплекса индивидуальных качеств и системы личностных и групповых качеств. Данная форма эмпатии формируется только в многообразии мира, мировоззренческом плюрализме и постоянном личном и групповом выборе: «Кто ты?» и с «Кем ты?» [Полюшкевич, 2014].

Деструктивной формой социального воспроизводства является бегство от эмпатии. Социально позитивной формой эмпатии является согласие, признание, поддержка вертикальных (влияние власти и идеологии) и горизонтальных (единство социальных групп) форм солидарности общества.

В данной статье автор использует материалы исследования, проведенного в 2014—2015 гг. с целью изучения особенностей социальной эмпатии в процессах консолидации и дезинтеграции нашего общества.

Методы и инструменты исследования

Были проведены анкетный опрос, интервью и фокус-группы. В опросе приняло участие 1500 человек¹ в возрасте от 18 до 75 лет (46% мужчин и 54% женщин). В интервью приняли участие 15 человек — экспертов по вопросам социального управления (представители власти) и социального анализа (преподаватели университетов и ведущие специалисты научных и исследовательских центров). В фокус-группах приняло участие 56 человек (всего 7 фокус-групп по 7—9 человек в каждой).

Вопросы опроса, интервью и фокус-групп строились на теоретической модели социальной эмпатии, раскрывающей процессы консолидации и дезинтеграции общества.

Когнитивный уровень — знания о нормах и эмпатии в обществе.

¹ В опросе участвовали жители Центрального, Северо-Западного, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов.

Аффективный — эмоциональные оценки эмпатии как ценности и как нормы поведения.

Деятельностный уровень — готовность поступать эмпатично.

Данная модель отразилась в ответах респондентов через содержательные характеристики социальной эмпатии (табл. 1).

Таблица 1. *Содержательная модель опросного инструментария*

Элемент	Содержание вопросов		
	Общество	Группа	Личность
Когнитивный	Знание о том, что такое эмпатия, как она проявляется и может проявляться в обществе	Знание о том какая эмпатия возникает в группах (друзья, семья, коллеги и т.д.)	Знание о личных потребностях в эмпатии (по отношению к себе и к другим)
Аффективный	Эмоциональная оценка эмпатии в современном обществе	Эмоциональное восприятие эмпатии к определенным группам людей (детям, старикам, бомжам, больным, инвалидам и т.д.), животным, природе	Эмоциональное восприятие эмпатии в личном саморазвитии и как общественной ценности
Деятельностный	Готовность проявлять эмпатию, реальные примеры эмпатии	Уровень одобрения/неодобрения эмпатии как на словах, так и в поступках	Реальная готовность проявлять эмпатию (в прошлом, настоящем и будущем)

Количественные материалы исследования обрабатывались при помощи пакета SPSS. Качественные материалы анализировались с использованием программы Maxqda.

Результаты исследования

Говоря о нормальных отношениях в обществе, респонденты отделили идеальные от реальных. 82 % опрошенных отметили, что идеальные нормальные отношения строятся на взаимопомощи. Это подтверждает исследование О. А. Кармадонова в 2011 г.: для 86 % респондентов нормальна взаимопомощь [Кармадонов, 2012: 18]. Но наши респонденты выделили реальные нормальные отношения, которые строятся на принципе «каждый сам за себя» (54 %). Иными словами, более половины участников исследования не ожидают помощи, не рассчитывают на поддержку, понимание, сочувствие со стороны других людей. И чем старше респондент, тем больше он в этом уверен.

Результаты фокус-групп и экспертных интервью подтвердили данную картину, охарактеризовав более наглядными примерами (табл. 2). Данные реальных нормальных отношений служат показателями потенциальной социальной напряженности и недовольства.

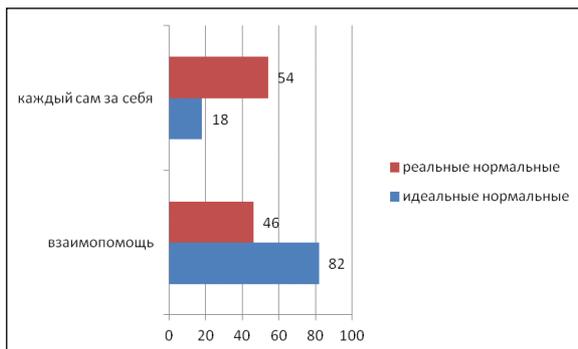

Рис. 1. Распределение идеальных и реальных нормальных отношений в обществе (% к числу опрошенных)

Таблица 2. Примеры нормальных отношений в обществе

Тип отношений	Примеры
Идеальные нормальные отношения	«Если ты улыбаешься миру, он улыбается тебе» (Е. А., жен., 27 лет); «Чем больше отдашь, тем больше получаешь» (А. Р., жен., 39 лет); «Людям надо помогать — это закон» (П. В., муж., 51 год)
Реальные нормальные отношения	«Мы нужны до тех пор, пока нужны» (О. А., жен., 33 года); «Каждый должен знать свое место» (Л. Д., муж., 45 лет); «Что позволено Юпитеру, не позволено быку» (Д. А., муж., 52 года)

Анализ фокус-групповых и экспертных интервью показывает, что социальная эмпатия неодинаково оценивается с позиции разных социальных институтов (табл. 3).

Таблица 3. Социальная эмпатия через призму различных социальных институтов

Элемент	Социальные институты		
	Общество	Группа	Личность
Когнитивный	<p>«В нашей стране принято помогать. Мы так воспитаны» (О. Н., муж., 42 года)</p> <p>«Если ты помогаешь другим, то и тебе помогут в трудную минуту» (Е. К., жен., 41 год)</p> <p>«Надо думать о том, какую природу мы сохраним нашим потомкам, в каком мире они будут жить из-за нас дальше» (П. В., муж., 37 лет)</p> <p>«Я поддерживаю государство в гуманитарных программах помощи жертвам наводнений и других природных катастроф как в нашей стране, так и за ее пределами» (Ю. В., муж., 39 лет)</p>	<p>«Я знаю, что бомжи не такие уж и бедные, поэтому никогда им не помогаю. Недавно прочитал, что лондонский попрошайка за 30 лет собрал многомиллионное состояние, и об этом узнали наследники, когда тот умер» (Н. Н., муж., 28 лет)</p> <p>«Я готова проявлять эмпатию к своим детям и внукам, остальные мне не нужны» (М. А., жен., 59 лет)</p> <p>«Большим и убогим пусть помогают богатые, они уже имеют все. У простых людей нет на это возможностей» (А. А., жен., 67 лет)</p>	<p>«Подаящему милостыню Бог подает» (М. Н., жен., 65 лет)</p> <p>«Когда мне плохо, хожу в церковь и даю денег тем, кто просит, или на восстановление храма, а в другое время — нет, не до этого» (Д. А., муж., 29 лет)</p> <p>«Я хотела бы больше помогать своим родителям, но у меня нет на это возможностей» (О. О., жен., 30 лет)</p> <p>«Я делаю добрые дела: переводил бабушку через улицу, вызвал «скорую» человеку, которому стало плохо в автобусе. Думаю, это правильные и хорошие поступки» (Е. Р., муж., 18 лет)</p>

Элемент	Социальные институты		
	Общество	Группа	Личность
Аффективный	<p>«Помощь нуждающимся — это благое дело» (Н. В., жен., 60 лет)</p> <p>«Надо помогать ближним. Все мы под одним солнцем ходим» (С. В., муж., 33 года)</p> <p>«Мне жаль тех, кто согрешил. Они понесут свое наказание в следующей жизни, поэтому в этой их надо пожалеть и помочь» (Н. Е., жен., 44 года)</p> <p>«Если можешь помочь — помоги, не можешь — пройди мимо и не лезь в чужую душу. Правда у всех своя» (Е. К., жен., 40 лет)</p>	<p>«Я горжусь тем, что моя компания помогает детскому дому на новый год подарки покупать, лично сам я бы не смог выделить лишнюю копейку, а так и я причастен к хорошему делу» (Д. Б., муж., 32 года)</p> <p>«Мне никто не помогал и не помогает, почему я должна кому-то помогать?» (Я. Г., жен., 39 лет)</p> <p>«Да сегодня в транспорте никто не уступает место пожилым или больным людям, сегодня — каждый сам за себя. В советском обществе было иначе. Люди заботились друг о друге» (М. С., жен., 53 года)</p>	<p>«Я чувствую неловкость, когда рядом со мной убогий человек» (П. Р., муж., 27 лет)</p> <p>«Я стараюсь побыстрее пройти мимо инвалидов. Мне не приятно с таким человеком находиться рядом» (О. В., жен., 22 года)</p> <p>«Мне жаль голодающих африканских детей, но мои деньги им не помогут, я могу купить булку хлеба местным беспризорникам, но им она не нужна. Так зачем тратить зря?» (О. Д., жен., 35 лет)</p>
Деятельностный	<p>«Все люди хорошие, только не все могут это показать. Надо им помочь в этом» (Г. А., жен., 55 лет)</p> <p>«Мы сегодня живем в большом темпе и не замечаем, что и кто вокруг. Вокруг нас полно тех, кому нужна наша помощь, и мы реально можем помочь, но не делаем этого в силу того, что просто не замечаем, наши мысли заняты другим» (М. С., жен., 37 лет)</p> <p>«Стоит жалеть и сохранять природу, а не людей. Человек как вид уничтожает все, что находится вокруг» (С. С., муж., 21 год)</p>	<p>«Я с учениками собираю детские игрушки для детских домов. Это хорошее дело» (А. В., жен., 24 года)</p> <p>«Я несколько раз через смс отправлял деньги для восстановления жилья после наводнения на Дальнем Востоке» (Р. В., муж., 35 лет)</p> <p>«У нас в компании принято поздравлять сотрудников с днями рождения и другими значимыми датами — это приятно как самому человеку, так и формирует положительный настрой в коллективе» (А. Г., муж., 40 лет)</p>	<p>«Я, когда иду в церковь, подаю милостыню, так... пару рублей... а больше давать — мне и самому мало» (С. Ю., муж., 40 лет)</p> <p>«Я взял на работу сторожем божма, предоставил место, где можно жить. В целом, нормальный работник поучился» (М. А., муж., 45 лет)</p> <p>«Я каждый день кормлю бездомных собак в нашем дворе. Мне их жаль» (Л. О., жен., 19 лет)</p> <p>«Я помогаю инвалиду в нашем доме — делаю для него покупки в магазинах и оплачиваю коммунальные услуги» (П. Л., жен., 46 лет)</p>

Из ответов видно, что в обществе высокий уровень знаний и положительная оценка эмпатии, но на деле далеко не все готовы проявлять ее — из-за заниженной самооценки, низкой удовлетворенности своим социальным положением, негативным восприятием отдельных маргинальных социальных групп и т. д.

Взаимодействие трех социальных институтов показывает несогласованность между ними. На уровне общественных институтов есть знания, как НАДО и как ДОЛЖНО. Однако в эмоциональном плане превалируют раздражение и недовольство. Как результат — желание казаться более благородным, честным, правильным, чем есть на самом деле, внешняя эмпатия, больше показная, не характеризующая внутреннее состояние.

На уровне группы эти тенденции усиливаются: в когнитивном и аффективном аспектах они проявляются как стратегии оправдания (почему не получается и кто по-настоящему виноват), в деятельностном — как гордость и констатация того, что человек смог противостоять общей ситуации и он уникален, не как все.

На уровне личности проявляется тенденция **КАЗАТЬСЯ** более эмпатичным, внимательным, толерантным, заботливым и т. д. Более ярко видно стремление к идеальным нормальным отношениям; формы проявления эмпатии социально одобряемы и поддерживаемы.

Неготовность проявить социальную эмпатию приводит к социальной дезинтеграции общества. Когда слова остаются словами, мы не можем говорить о социальной солидарности общества. Скорее, наоборот: когда эмпатия становится наигранным инструментом «социального поглаживания», доминируют типы социальной дезинтеграции.

На прямой вопрос «К кому Вы обычно испытываете эмпатию?» мы получили следующие ответы: на первом месте — к людям близкого круга (друзья — 20 %, дети — 18 %, родственники — 15 %) и животным — 15 %; далее: к инвалидам — 9 %, природе — 8 %, бездомным — 7 % и больным — 5 % (рис. 2.). Таким образом, беспомощные, бедные и маргинальные слои населения, находящиеся на низших ступенях социальной лестницы, вызывают эмпатию чуть ли не в последнюю очередь: незнакомым людям наши соотечественники сопереживают меньше, чем тем, кого они знают.

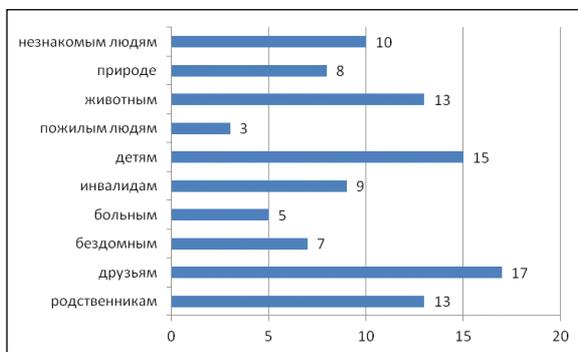

Рис. 2. К кому испытывают эмпатию (% к числу опрошенных)

На ценностном уровне остаются знание и установки, как должно быть и что следует делать. Однако на повседневном уровне при вопросах об эмпатии возникает даже агрессия: человек осознает неправильность своих поступков, но не может изменить ситуацию, поэтому ищет либо виноватых, либо тех, у кого больше возможностей оказать поддержку, тем самым снимая с себя ответственность.

Эмпатия играет ключевую роль в социальном взаимодействии общества: по сути, это система выработанных ценностей, норм поведения и мышления, отражающих *понимающее поведение* в данный конкретный исторический период.

Как видно из рис. 3, во многом формы эмпатии у мужчин и женщин предопределены культурными нормами. Например, ожидается, что женщины более чувстви-

тельны по отношению к детям (воздействие материнского инстинкта) и любовным переживаниям (ожидания счастливой жизни).

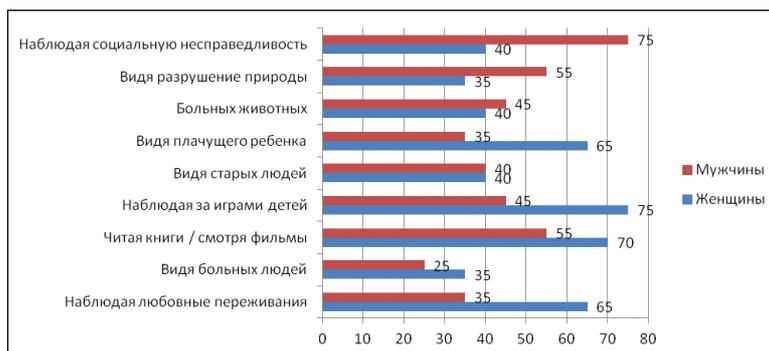

Рис. 3. В каких ситуациях испытывают эмпатию (% к числу опрошенных)

Чувства не согласуются с реальными действиями, поскольку культурно и социально заложенная, одобряемая реакция, воспринятая через институты социализации, не всегда приемлема в повседневном поведении. Это приводит к конфликтам на личном и социальном уровне. В табл. 4 приведены примеры социальных событий, действий, явлений, вызывающих социальную эмпатию, а также показана степень ее проявления в трех сферах.

Таблица 4. События, действия, явления вызывающие социальную эмпатию

Пример	Формы проявления		
	Когнитивная	Аффективная	Деятельностная
Олимпиада в Сочи	-0,15	0,12	-0,29**
Празднование Победы в Великой Отечественной войне (9 мая)	0,17*	0,12	-0,18**
Позиция власти по отношению к Украине	0,12	0,13	0,05*
Взаимоотношения России, ЕС и США	0,42	0,58	0,55
Присоединение Крыма к России	0,66	0,74	0,45
Помощь жертвам стихийных бедствий (пожары, наводнения, землетрясения)	0,43	0,55**	0,32*
Восстановление религиозных сооружений (храмов, мечетей, дацанов, синагог и др.)	0,38*	0,25*	0,21*
Создание равных условий для инвалидов	0,15	-0,28	-0,21

* — $p < 0,05$. ** — $p < 0,01$.

Положительная взаимосвязь Олимпиады в Сочи в 2014 г. с социальной эмпатией прослеживается на аффективном уровне, а на когнитивном и деятельностном — взаимосвязь отрицательная. Иными словами, победы наших спортсменов вызывают чувства гордости, восторга и соучастия с процессом, но оценка финансовых и человеческих затрат на когнитивном уровне существенно уменьшает уровень эмпатии. Личное участие в мероприятиях олимпиады также весьма негативно оценивается (от нежелания участвовать в мероприятиях до нежелания следить за событиями по различным СМИ).

«Я, конечно, рад за наших спортсменов, но они могли бы так же выступить и в другой стране — меньше бы денег потратили» (М. А., муж., 53 года).

«Я горжусь своей страной и нашими спортсменами. Но стыдно за то, что они нужны только на Олимпиаде, а в повседневной жизни о них забывают» (Н. Н., жен., 44 года).

«Я горжусь нашими спортсменами: болел за них, смотрел отдельные соревнования по ТВ, — но никогда бы не поехал на Олимпиаду: зачем лишние деньги тратить?» (М. Д., муж., 27 лет).

Эти результаты вполне согласуются с данными исследования А. Г. Саниной и др. [Санина, 2014].

Празднование победы в Великой Отечественной войне (9 мая) вызывает положительную взаимосвязь с социальной эмпатией на когнитивном и аффективном уровнях и отрицательную — на деятельностном. Эмпатия возникает при рациональном осмыслении и эмоциональном подключении к победе в мировой войне, необходимости помнить о войне и о цене победы в этой войне. Но на деятельностном уровне возникает все больше отторжения и неприятия символов победы. Например, георгиевские ленточки теряют свое значение, а вместе с тем и сакральный смысл Победы.

«Сегодня георгиевская ленточка вешается на сумки, джинсы, кофты и ботинки — это унижительно и стыдно» (П. Д., жен., 43 года).

«Многие в преддверии Дня Победы вооружились георгиевским ленточками — в машинах, на одежде, в домах, а значение и смысл ее не могут рассказать» (А. В., муж., 56 лет).

Позиция власти по отношению к Украине воспринимается в целом как положительная взаимосвязь с социальной эмпатией — как к власти, так и к гражданам Украины. В когнитивной и аффективной сфере уровень эмпатии выше, чем в деятельностной (желание снять с себя ответственность доминирует).

«Власть должна отстаивать свои интересы и быть непреклонна в своей политике. Я, чем смогу, помогу, но много ли я могу изменить?» (А. П., муж., 50 лет).

«Я считаю, что Путин и правительство правильно себя ведут по поводу Украины — кто, если не мы, будет удерживать мир?» (О. А., муж., 46 лет).

Взаимоотношения России, ЕС и США и присоединение Крыма к России положительно взаимосвязаны с социальной эмпатией и однозначным эмпатическим присоединением опрошенных к власти, к образу России, к политике в целом на всех трех рассматриваемых уровнях.

«Я считаю — это мое правительство и мой президент, я полностью их поддерживаю по вопросу Крыма, Украины, отношений со всем миром» (Н. П., муж., 69 лет).

«Нынешняя власть — это моя власть, я понимаю, что она отстаивает интересы народа. Крым наш! А всему миру мы еще покажем — кто мы такие» (П. А., жен., 55 лет).

Помощь жертвам стихийных бедствий (пожары, наводнения, землетрясения) прослеживается в форме положительной взаимосвязи с социальной эмпатией на когнитивном, аффективном и деятельностном уровнях, т. е. люди знают, понимают, что власти должны помогать пострадавшим, чувствуют, что надо помогать (эмоционально включаются в чужую беду), и сами готовы что-то делать (перечислять деньги, отдавать вещи в помощь нуждающимся).

«Я переводила деньги для строительства жилья погорельцев, так как понимаю, что это страшно... это горе» (М. А., жен., 29 лет).

«Я перечислял деньги на счет для помощи тех, кто пострадал в результате наводнения. Беда не бывает чужой» (К. Н., муж, 37 лет).

«Власти делают, что могут, когда стихия разрушает целые города, но без человеческой поддержки и участия ничего восстановить нельзя» (А. А., жен., 42 года).

Восстановление религиозных сооружений (храмов, мечетей, дацанов, синагог и др.) прослеживается в форме положительной взаимосвязи с социальной эмпатией также на всех уровнях (когнитивном, аффективном и деятельностном). Люди понимают, что духовные заведения необходимы — они помогают многим пережить трудности, справиться со сложными ситуациями. На деятельностном уровне есть признание, что каждый помогает так и сколько может, но нет духовности в этом процессе (скорее, как обязательный обряд — покреститься перед входом в храм или денег оставить на восстановление храма): есть действие, но не всегда есть смысл.

«Храмы и церкви нужны — они помогают жить» (А. В., жен., 53 года).

«Каждый может пожертвовать, сколько может, и каждого услышит Бог» (Н. Г., муж., 47 лет).

«Благое дело — строить святилища, не важно, к какой религиозной доктрине они принадлежат» (А. В., муж., 37 лет).

Создание равных условий для инвалидов: на когнитивном уровне есть понимание, что людям с ограниченными возможностями надо помогать.

«Они не виноваты в том, что не такие, как мы, поэтому им надо помогать» (О. П., жен., 27 лет).

«Надо помогать тем, кто сам не может о себе позаботиться» (Е. К., жен. 39 лет).

На аффективном уровне также есть понимание и сочувствие, но деятельностный уровень не реализуется во многом в силу ограниченности ресурсов (финансовых), эмоциональной озлобленности или чего-то еще.

«Мне всегда жалко инвалидов. Хочу помогать больше, но не могу — самой денег еле хватает» (О. О., жен., 31 год).

«Я стараюсь проходить быстрее мимо людей с дефектами — мне некомфортно рядом» (А. П., жен., 25 лет).

«Мне стыдно, но я стараюсь не замечать убогих людей. Я им не помогу никак» (А. В., муж., 30 лет).

Таким образом, знания и понимание (когнитивный уровень), эмоции и чувства (аффективный уровень) приходят к конфликту на деятельностном уровне, когда встает вопрос о реальном проявлении эмпатии к определенному человеку, явлению или ситуации. На рис. 4 изображены ответы на прямой вопрос о том, как часто люди начинают действовать после того, как испытали эмпатию («всегда» — только 5%, «иногда» — 10—15%, «редко» — 15—20%, «никогда» — 60—70%).

Результаты говорят сами за себя: социальная эмпатия не может стать реальным рычагом изменения общества, если внешние обстоятельства не позволяют людям ее проявлять. Эмпатия может существовать в форме авансированного доверия и заведомо положительного отношения к Другому. Можно выделить некоторые внутренние установки, определяющие различные формы проявления эмпатии: 1) эмпатия как внутренняя установка и терпимость к Чужим; 2) эмпатия как культурная норма; 3) эмпатия как изначальная положительная установка к Другому; 4) эмпатия к тому, кто причиняет вред (христианское сострадание и смирение); 5) эмпатия к тому, кто приносит вред другим, но мы при этом безучастны. Это позволяет говорить о том, что границы толерантности лежат в пределах чести и достоинства. В то же время социальная суета не позволяет нашим чувствам стать нашими действиями.

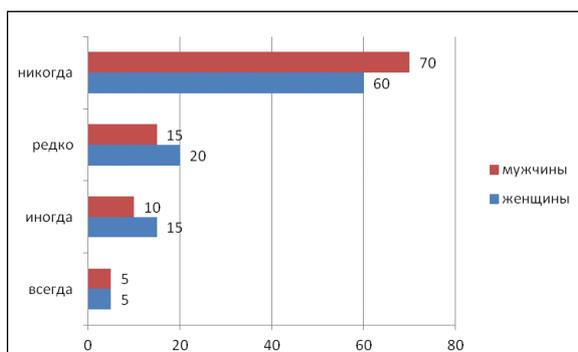

Рис. 4. Как часто Вы начинаете действовать, после того как испытали эмпатию? (% к числу опрошенных)

Уровень осознания важности эмпатии в системе мировоззренческих ценностей целых поколений определяет качество внутреннего содержания общественного развития. Чем выше уровень эмпатии, тем более развито общество, и наоборот.

Таким образом, в каждом историческом периоде формируются свои социокультурные рамки развития эмпатии: понятия, ценности, нормы мышления и поведения человека или группы людей, ориентированные на воспроизводство понимающего или сочувствующего сознания (или на блокирование этого сознания из-за новых условий социализации и адаптации).

Уровень и формы эмпатии всегда конгруэнтны социальному этапу развития общества. Эмпатия может поддерживать как позитивные, так и негативные формы солидарности общества. Позитивным примером солидарности общества — проявления эмпатии на групповом уровне — являются патриотические чувства и действия, готовность помогать беженцам и переселенцам. Негативным примером — националистические акции, массовые протесты и бунты.

Процессы снижения уровня эмпатии в нашей стране не уникальны — это процесс общемировой. Дегуманизация общества вызвана влиянием массовой культуры, виртуализации, глобализации и иных факторов социального изменения всего мира.

Социальная эмпатия — зеркало социальных перемен, она связана с насущными проблемами любого сообщества и может служить как опорой преемственности и консолидации, так и формой разобщения и разрушения социальных норм. В нашем исследовании также справедлив вывод О. А. Кармадонова о том, что «доминирующие в социальной фактичности сегодняшнего российского общества отношения, в целом, не санкционируются существующими в коллективных представлениях нормами» [Кармадонов, 2012: 21].

При этом социокультурные основы эмпатии задают канву социального развития: она является ядром осмысления социального воспроизводства. Социальная эмпатия — это одновременно способ и условие человеческого развития. При ее отсутствии общество становится все более анонимным, народ теряет свою традиционную идентичность, строящуюся на эмпатии и сочувствии другим, миру в целом. Теряя социальную эмпатию, мы теряем гораздо больше, чем сострадание, мы теряем духовную связь между собой, между предками и потомками, теряем социокультурную солидарность и забываем, кто Мы есть как народ.

Чем выше социальная эмпатия, тем более консолидировано общество, чем она слабее — тем более общество разрознено. Только реальное поведение показывает объективный формат ситуации. Действия определяют людей и те сообщества, в которых они состоят, а не их слова и эмоции. Современная Россия пропитана словами, эмоциями, но отнюдь не поступками, способными изменить и объединить общество. И пока ситуация не изменится, вряд ли можно говорить о консолидации страны.

Список литературы

Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. Исследование I. Выражение и значение // Логос. № 10. М. : Дом интеллектуальной книги, 1997. С. 5—64.

Кармадонов О. А. Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 17—25.

Мтиулишвили П. И. Индекс социальных настроений и протестного потенциала населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2010. № 6. С. 55—64.

Макаркин А. Почему россияне разочаровались в украинских беженцах [Электронный ресурс] // Slon Magazine — онлайн-журнал об экономике и политике. URL: http://slon.ru/russia/pochemu_rossiyane_razocharovalis_v_ukrainskikh_bezhentsakh-1163813.xhtml (дата обращения: 16.08.2015).

Полюшкевич О. А. Солидарность поколений : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014.

Санина А. Г., Козлова А. А., Триголос О. В. Влияние Олимпийских игр в Сочи на формирование государственной идентичности молодых россиян: результаты эмпирического исследования // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2014. № 3. С. 130—145.

Юнг К. Архетип и символ. М. : Наука, 1991.

Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. 7. Stuttgart, 1958.

Reich R. Supercapitalism. N. Y. : Knopf, 2007.

Rogers C. R. Empathy : An unappreciated way of being // *Counselling psychology*. 1975. V. 5. N. 2. P. 2—10.

Schlenker B. R. Translating actions into attitudes : An identity-analytic approach to the social psychology. N. Y., 1982.

Smith D. W. The circle of acquaintance. Perception, consciousness, and empathy. Dordrecht, 1989.

Stein E. On the problem of empathy. The Hague : Martinus Nijhoff, 1964.